

ББК 63.3(2)513

Н.С. Модоров

**Из истории присоединения Южного Алтая к России
в середине 50-х гг. XVIII в.***

N.S. Modorov

**From the History of Annexing Southern Altai to Russia
in the Middle of 50s of the XVIII Century**

На основе широкого круга опубликованных отечественных и зарубежных источников, а также архивных материалов, выявленных авторов в центральных и региональных архивохранилищах, освещается неоднозначный процесс русско-алтайских отношений, приведший в середине 50-х гг. XVIII в. к принятию коренными народами Южного Алтая российского подданства, и роли в этом процессе родоплеменных правителей алтайских племен и этнографических групп.

Key words: Центральная Азия, Джунгарское ханство, Цинская империя, джунгаро-китайские войны, коренные народы Горного Алтая, зайсаны, Бийская крепость, геноцид маньчжуро-китайцев, российское подданство.

Жители Республики Алтай отметили знаменательную дату в истории своего края – 255-летие добровольного вхождения алтайцев в состав России. Этому, без преувеличения, выдающемуся событию посвящено немало научно-публицистических работ. Наиболее значимой из них для исследователей, безусловно, явился сборник документов – «Моя судьба в судьбе Алтая», вышедший из печати несколько лет тому назад. В его предисловии составители справедливо подчеркнули, что они отдадут дань памяти тем, кто «спас свой народ от неминуемой гибели», нависшей над ним в середине XVIII в., назвав «спасителей» поименно: Омбо, Кулчугай (Гулчугай), Кутук, Намкы, Боохол, Церен (Черен), Бурут, Намык, Намджил, Емзынак и Сайдуш. При этом составители сборника не преминули и подметить, что «письменные источники XVIII в. не дают исследователям подробных сведений о судьбах народных героев» [1, с. 6]. И все же кое-что они сохранили для потомков. Надо только искать эти «драгоценные крупички». Свидетельство тому – «Дело зайсана Боохола», выявленное в свое время известным российским востоковедом В.А. Моисеевым в фондах Архива внешней политики России. Следовательно, материалы, связанные с сюжетами присоединения интересующего нас региона к

The article based on a wide range of published domestic and foreign sources, as well as archival materials exposed by the author in the central and regional archives, highlights the ambiguous process of the Russian-Altai relationship, led in the mid 50s years of XVIII century to the adoption of Russian citizenship by the native peoples of the Southern Altai and the role played by tribal rulers of Altaic tribes and ethnic groups in this process.

Key words: Central Asia, Dzhungar khanate, Qing Empire, Zhungar-Chinese War, native peoples of the Altai Mountains, Zaisan, Biyskaya fortress, genocide of the Manchu-Chinese, Russian citizenship.

Русскому государству, в архивах есть. Их надо только искать и искать...

Принятие алтайскими кочевниками в 1756 г. русского подданства подвело, по единомышленному мнению историков, итог полуторавековому процессу развития русско-алтайских отношений – сложных и противоречивых. Не менее сложным и противоречивым оказался для алтайцев и сам акт их вступления в российское подданство.

Прием «бывших зенгорцев» (так русские документы именовали в то далекое время жителей Джунгарии, поверженной Цинами, и Горного Алтая, номинально считавшихся «подданными первой. – Н.М.) в российскую «протекцию» санкционировал, как известно, «высочайший указ – из Коллегии иностранных дел» – от 2 мая 1756 г.

Но какие же события предшествовали принятию русским правительством этого судьбоносного для алтайских кочевников решения?

Главным из них, по мнению историков, стало многолетнее военное противостояние между Джунгарским ханством и Цинской империей. Чтобы понять его роль в судьбе алтайских кочевников, остановимся чуть подробнее на заключительном этапе джунгаро-китайской войны середины XVIII в.

* Работа выполнена по гранту РГНФ-Республика Алтай № 11-11-04002а/Г.

Воспользовавшись междоусобицей в Джунгарии (в которой приняли участие и князя Горного Алтая на стороне «законного державца Даваца» против «самозванца на ханово место – Амурсаны. – *Н.М.*), Пекин направил весной 1753 г. свои войска для покорения «зенгорцев», проживавших в верховьях р. Кобдо и в Чуйской котловине. Часть их была захвачена маньчжурами, а «спасшиеся» откочевывали к «телесцам» [2, с. 31]. Продолжая начатое «дело», Цины направляют в начале 1754 г. в приграничную крепость Улясутай отряд во главе с «министром Шухэдэ», который обязан был, согласно «указу Сына Неба», ознакомить зайсанов «чуйско-кобдинских оттоков» с его обращением. В нем же «Сын Неба» предлагал им добровольно перейти в цинское подданство, не преминув при этом добавить, что «все строптивцы» будут прогнаны им «за пределы Алтая». И, надо сказать, император сдержал свое слово: непослушавшиеся его «желтые саянцы», обитавшие в Чуйской котловине, были вырублены маньчжурами «все без остатка», а молодые были уведены в плен [2, с. 31].

Вслед за отрядом Шухэдэ ушла в бассейн р. Кобдо и прилегавшие к нему районы большая цинская армия, двигавшаяся двумя колониями. В составе северной колонны шел (помощником командующего) Амурсана. Угроза захвата китайцами понудила алтайские племена, кочевавшие в данном районе, переселиться в верховья Чуи и Катуня. Вслед за беглецами прибыли сюда летом 1754 г. и цинские отряды, которым удалось «привести в покорность» лишь малую часть «немногих беглецов» (445 чел. – *Н.М.*) [3, с. 100].

Чтобы воспрепятствовать продвижению китайских войск вглубь Алтая, алтайские зайсаны направили в верховья Чуи свои военные отряды. Так, отряд, сформированный зайсаном Омбой, привел сюда его «пасынок, демичи Самыр». Прибывшие воины выставили «общий заслон» в 500 чел., преградивший противнику путь из Чуйской котловины к берегам Катуня [2, с. 31]. Но этого было недостаточно для того, чтобы остановить наступление маньчжурских войск. Поэтому «кобдинские» зайсаны, в частности Чадак, Чулун и другие, переселили, избегая плена, своих людей в Чуйскую котловину и в долину Аргута. А их «коллега» – Тубшин – «обезопасился» более серьезно: перевалив горы, он ушел на «житье» на Иртыш [3, с. 100].

Сложная военно-политическая обстановка понудила зайсанов искать выход из создавшегося положения. Многие из них высказались за проведение осенью 1754 г. съезда, чтобы обсудить на нем пути выхода из «кризисного состояния» [3, с. 100].

А тем временем масштабы цинской агрессии в Горном Алтае разрастались. Маньчжурские отряды, вторгшиеся в юго-восточные районы края, вышли к Телецкому озеру, грабя и убивая по пути алтайцев, силой принуждая их принять китайское подданство [3, с. 102]. В этой ситуации зайсаны собираются

в марте 1755 г. в ставке Намыкая Малаева (в бассейне р. Ело. – *Н.М.*), чтобы обсудить вопросы, связанные с отражением цинской агрессии. После жарких споров было принято решение о формировании во владениях зайсана Намыкая общеалтайского ополчения. И оно было сформировано. На первых парах ополченцы нанесли захватчикам несколько чувствительных поражений. Однако отсутствие единого командования, неорганизованность и разобщенность действий привели их сначала к поражениям, а потом и к развалу ополчения.

Это обстоятельство, ухудшение в связи с цинской агрессией общей обстановки в Горном Алтае, понудило алтайцев обратить свои взоры в сторону России. В своих прошениях, ставших поступать в местные и центральные органы власти с начала 1755 г., они просили о «взятии их в российскую проекцию». К лету того же года поток таких ходатайств еще более усилился. Однако русские власти (ни гражданские, ни военные), не могли определить: как им поступить в сложившейся ситуации. Так, командующий Колывано-Кузнецкой военной линией полковник Франц Дегаррига неизменно получал от командующего Сибирскими войсками бригадира (офицерский чин в русской армии XVIII в., промежуточный между полковником и генералом-майором) Крофта и из Коллегии иностранных дел невнятные ответы на свои запросы типа: «в близость границы и к крепостям... оных зенгорцев не допускать, но и «не отгонять их от оных» [4, л. 67].

Разгром Джунгарии воодушевил маньчжуров на новый поход в Горный Алтай. Но его сорвало восстание (в сентябре 1755 г. – *Н.М.*) их бывшего союзника Амурсаны, потерявшего всякую надежду стать с помощью Пекина ханом единой Джунгарии. Но это его выступление против маньчжуров не примирило Амурсану с алтайскими зайсанами: они по-прежнему продолжали борьбу с его отрядами в районе Телецкого озера, на Катуне и Семе [3, с. 101]. Она прекратилась лишь только в октябре 1755 г., когда отряды Амурсаны ушли в Джунгарию, опасаясь действий крупного китайского «войска» на Алтае. Но с их уходом мир не пришел на алтайскую землю: «местным варварам» вновь напомнил о себе «Сын Неба». Он приказал алтайским зайсанам срочно прибыть в «его войско для отсылки их в Китай». Последние были вынуждены подчиниться «силе». В течение четырех месяцев в Пекине побывало около 20 чел. Зайсан Намыкай, вернувшись оттуда в январе 1756 г., сообщил русским властям о полученном «князьями» в Пекине приказе: собрать свое войско и выступить совместно с китайцами против Амурсаны [5, л. 1–3]. В связи с полученным от богдыхана приказом, зайсан просил русских ускорить решение вопроса о приеме алтайцев в свое подданство. Но они вновь не дали Намыкаю и алтайским зайсанам в целом какого-либо вразумительного ответа.

Учитывая настойчивые притязания китайцев взять алтайцев в «мунгальское подданство», их родовые правители собираются на р. Кайрлук, на «всеалтайский» совет. На нем, согласно источнику, присутствовали: от Канской волости зайсан Омбо, от Урянхайской – зайсан Бокол (Боохол), от Телеутской зайсаны: Кутук, Буктуш, Брут (Бурут), Номчикай, от Саянской – Амзына, от Телецкой – Кочерен и др. [4, л. 179–180об.]. На нем было принято единодушное решение: обратиться к русским властям о приеме алтайских зайсанов с их подданными в «русскую протекцию» [4, л. 213, 217]. Такое прошение от имени 13 алтайских зайсанов и поступило в январе 1756 г. в Бийскую крепость, а от зайсана Омбы и других – в Чагырскую крепость [4, л. 213, 217]. Такого рода прошения поступали русским властям и в дальнейшем. Так, в феврале 1756 г. они были получены капитаном Таракановским от представителей Каракольской волости, а также командующим Кольвано-Кузнецкой военной линией от имени 12 алтайских зайсанов, под властью «коих имелось свыше 1500 юрт» [3, с.102].

В разгар этих дипломатических сношений в Горный Алтай вновь вторгаются китайские отряды. Об их бесчинствах тут же узнали командующие Бийской и Чагырской крепостей. Но ни тот, ни другой вновь не приняли каких-либо мер по их пресечению [4, л. 234]. Демарш агрессора поставил, как показала жизнь, военных и русское правительство в весьма трудное положение. С одной стороны, налицо было распространение цинской экспансии за пределы поверженной Китаем Джунгарии, которую Россия не в состоянии была (из-за недостатка воинских сил в данном районе) предотвратить, а с другой – брать алтайцев (бывших – пусть и номинально – данников Джунгарии) под защиту было делом и сложным, и проблематичным.

Видя нерешительность русских властей, маньчжуры в полной мере воспользовались этим: они беззастенчиво грабили алтайцев, не переставая при этом силой «склонять» их к принятию китайского подданства. Противившихся этому, а также стариков и детей агрессоры просто истребляли на месте, а молодых угоняли в Китай. Поэтому алтайцы, не найдя защиты у русских, как могли, боролись с агрессором, защищая себя. Особенно преуспели в этом «деле» алтайские зайсаны Омбо, Гукчугай и Бобой, которых император Цяньлун объявил своими «личными врагами» за то, что они осмелились оказать сопротивление его войскам. «Оных варваров, – предписывал он командирам своих отрядов, – следует сыскать, а поймавши, наказать примерно, без всякой снисходительности» [4, л. 216, 218–220].

Выполняя приказ «Сына Неба», китайские отряды все больше углубляются в пределы Горного Алтая. Под их натиском часть алтайцев отступает к русским границам, другая – укрывается в труднодоступных

местах. Тот же, кто не сумел уйти от маньчжуров, начинает вести двойную игру. Под предлогом обсуждения с сородичами условий приема китайского подданства они пытаются выиграть время, надеясь, что русские власти за это время успеют дать им положительный ответ на их прошения. Однако китайское командование не верит такого рода заявлениям «варваров» и настаивает на безоговорочном принятии ими «богдыханского подданства». «У нашего зайсана Номкы, – говорил по этому поводу Аксак Ендженин, добравшийся весной 1756 г. до Бийской крепости, – были послы из китайского войска» и требовали «со всех 12 зайсанов алман... Они же намерены взять их всех, с их людьми, с мест, где ныне они кочуют, в свою землю... А тех, кто откажется переходить, ... перевешают на березах» [4, л. 295].

Угроза угона в Китай, продолжавшийся геноцид активизировали алтайцев в их ходатайствах перед русскими властями (местными и центральными. – *Н.М.*) об их приеме в русское подданство. Весной 1756 г. они направляют такое прошение сибирскому губернатору – адмиралу В. Мятлеву, но оно осталось без ответа [4, л. 218–220]. В этой ситуации зайсан Омбо направляет свое послание прямо императрице. «Ныне, за долговременным невзятием нас в Россию, – писал он, – многие зайсаны взяты мунгалами (китайцами. – *Н.М.*) в свою землю вместе с женами и детьми, посему, чтобы уберечь себя, просим взять нас в свою протекцию» [4, л. 179]. Аналогичный же запрос направили алтайские зайсаны и в Коллегию иностранных дел [4, л. 283]. Послав свои прошения, алтайцы, еще не зная, какой ответ на них будет дан, стали прикочевывать («ища защиты от мунгальского избиения») к русским крепостям и селиться около них. Об этом доложили весной 1756 г. в Томск начальники Чагырской, Усть-Каменогорской и других крепостей [6, с. 92].

Взвесив все «за» и «против», русское правительство идет на прием алтайских кочевников в свою «протекцию». Это его решение было закреплено, как уже упоминалось выше, «высочайшим указом от 2 мая 1756 г.» [4, л. 206–207об.]. Руководствуясь им, с июня 1756 г. в крепостях, форпостах и редутах Кольвано-Кузнецкой военной линии начался прием алтайских кочевников в русское подданство.

Первыми (из числа 12 зайсанов, ходатайствовавших о приеме в русское подданство), приняли «русскую протекцию» (21 июня 1756 г. в Бийске) зайсаны Буктуш, Бурут, Серен (Черен, Церен), Намыкай и демичи Менгош Серчеков. Они же сообщили командованию крепости о том, что зайсан Боохол «отдался в китайское государство», а с «нами» пришла сюда лишь часть его людей во главе с демичи Менгошем [2, с. 43].

За первой группой зайсанов «вышли к Бийску» и приняли русское подданство зайсаны Намык Еланаев

и Кокшин (Кукшин) Емзынаков (ставший зайсаном после смерти своего отца). К концу лета, по свидетельству Г.П. Самаева, русское подданство приняли на Кузнецкой линии оттоки 7 алтайских зайсанов и 54 чел. из оттока Боохол, которых приписали «после протекции» к оттоку Кокшина Емзынакова, поскольку зайсан Боохол приходился родственником зайсану Емзынаку [2, с. 43]. Последним к Бийску вышел зайсан Кутук. Однако большая часть его людей осталась на реке Ише, ибо «лошади у его людей выбились из сил». Возможно, это был «маневр, ибо к концу лета алтайская знать уже знала о том, что «новоподданных» переведут «для житья» на Волгу или другие места, дабы обезопасить их от «взятия мунгалами». Всего к началу сентября на Кузнецкой линии приняли «русскую протекцию» 1877 чел. [2, с. 44].

К концу лета вышел на Колыванскую линию и зайсан Омбо (с демичами Самуром и Алтаем) с оставшейся частью Канского оттока (первая его часть во главе с зайсаном Киндишем («Гендюшка») и демичами Болотом, Мамытом и Качаем вышла на р. Белая еще в конце мая – начале июня. – *Н.М.*). Вывел он и «15 дымов зайсана Кулчугая». С приходом Омбы число принявших российское подданств достигло 1812 чел. [2, с. 44].

Принятие алтайцами российского подданства не избавило их от «былых бед и тревожений». Более того, к ним добавились новые, связанные с их предстоящим переселением в Нижнее Поволжье. Учитывая приближающуюся зиму, материальное положение алтайцев и длительность «путешествия на Волгу», власти отложили его на лето следующего года. Намеченные же к переселению алтайцы были расположены на зимовку в Бийске и около ближних к нему форпостов. Многие «осели» в урочищах по Чарышу, Аную, Песчаной и другим рекам. Этих «новоподданных» очень беспокоила весть о переселении на Волгу. Чтобы избежать его, значительная часть алтайцев, оставив на «новом месте» скот и имущество, бежала обратно в горы. Не пожелали возвращаться и присоединиться к своим оттокам подданные Бурута и Намыка, отпущенные после принятия «подданства» в прежние места «для копания сараны и снятия с пашен хлеба» [2, с. 44].

Действия «невозвращенцев» и побег «новоподданных» создали для русских властей «немалые» проблемы, усугублявшиеся непрекращавшимися претензиями Пекина на «бывших зенгорцев» Алтая. Поэтому военная и гражданская администрация делает все необходимое, чтобы добиться возвращения беглецов и подтверждения ими «присяги на верность России», а неприведенных к ней – «привести к оной». Особенно это касалось зайсанов и старшин. Среди первых русские власти особое внимание уделяли зайсану Боохолу. Именно приведение его к присяге стало для них (на исходе 1756 г.) задачей номер один. Однако

ее решение осложнилось «внутренними административными разборками», вспыхнувшими в Бийске.

А началось все с того, что местный регистратор Ф. Девятияровский подал в Сенат жалобу, в которой он обвинил командующего Колывано-Кузнецкой линией и его адъютанта С. Кочергина в том, что они «за взятки отпускают алтайцев обратно в горы» [4, л. 237]. Такого же рода жалоба поступила и сибирскому губернатору В.А. Мятлеву от посланцев хана волжских калмыков Дондук-Даши – зайсана Наугата и ламы Биоктергина Габунга, прибывших 20 августа 1756 г. «по просьбе» российского правительства для «склонения зенгорцев, вступивших в подданство России», к переселению в Нижнее Поволжье [2, с. 45]. Спустя три дня (23 августа) Наугат и Габунг, собрав «теленгуцких зайсанов и демичей» на квартире полковника Дегарриги, стали призывать «оных» к переселению на Волгу, увещевая, что с них за это «не будут взыскивать ясак и другие подати». Однако алтайские зайсаны не послушали «калмыцких зазывал» и просили Дегарригу «не отлучать их... от своих кочевий, от... Алтая» [2, с. 45]. Не принесли успеха волжским посланцам и последующие «их переговоры» с алтайскими зайсанами. Похоже, их неудовлетворительный исход, а также боязнь «опалы» за невыполнение «высокого поручения» и породили вышеназванную жалобу Наугата и Габунга, к которой присоединился и алтайский зайсан «Гулчухай», заявивший о «многократном нанесении ему, Дегарригой... обид», а также об «отпуске в горы калмыков (бывших джунгарских подданных. – *Н.М.*), кои наперед сего... ясак не платили, ... и в подданстве [российском] не бывали, но за многие взятки, почти... все отпущены в горы» [4, л. 237–237об.].

Реакция правительства на такие «сигналы» была однозначной: для разбора жалоб была создана следственная комиссия, которую возглавил командир Луцкого драгунского полка (дислоцировавшегося на Сибирской военной линии, – *Н.М.*) полковник Лорих. Прибыв 4 мая 1757 г. в Бийск, он тут же приступил к расследованию «дела». В ходе его многое, в чем обвинялся Дегаррига, подтвердилось. За это он был отстранен от должности и взят «под стражу». Но, согласившись с обвинением «в превышении власти, в нарушении служебной этики», Дегаррига полностью отверг получение им «взятки» за преднамеренный отпуск алтайцев в горы. «Они, – заявил полковник следователям, – ушли туда убегом... мною же ни одного человека отпущено не было, а бежали алтайцы в горы из опасности отправления их на чужбину» [4, л. 238]. Но, оправдываясь, подследственный и словом не обмолвился о подлинных «виновниках и пособниках» тем событиям, ставших «печальными» для него. Ими же, как выявило следствие, оказались сами «жалобщики», в числе которых оказался и бывший сибирский губернатор В.А. Мятлев [7, с. 81].

Столкнувшись со столь «сложным делом», полковник Лорих отчетливо понимал, что от него ждут в столице не только «разбора жалоб» и установления круга «виновных», но и действий, способных «возвратить» беглецов, привести их в российское подданство и «обложить новоподданных («за право проживать на старых местах») ясаком. Уяснив задачу, Лорих, не мешкая, приступил к ее решению. При этом он воспользовался советом Дегарриги, предложившим ему обратиться к наиболее знатным алтайским зайсанам и старшинам, чтобы те выступили с «призывным словом» к своим сородичам и позвали их «вступить в русскую протекцию». Добиваться такого согласия от них, он советовал «ласкою... и наградами» [8, с. 13].

Учтя советы подследственного, Лорих, не откладывая дела в «долгий ящик», тут же сформировал специальную команду, которая должна была отправиться в горы, к старшинам «Намкы, Дадагану, Саин-Белеку, Дедею, Коктеяну, Менке» и другим с «призывным словом». Но, не принижая авторитета вышеназванных лиц, все же отметим, что не они были «первой скрипкой» в задуманном в Бийске «дипломатическом оркестре». Ею же для русских властей по-прежнему был зайсан Боохол, подписавший прошение 12 алтайских зайсанов о приеме их в «русскую протекцию», но «отдавшийся по своему желанию мунгалам» [2, с. 82]. Именно для «розыгрыша этой карты» и задумывалась эта операция, речь о которой и пойдет ниже.

Реализуя ее, канцелярия Кольвано-Кузнецкой военной линии заготовила два специальных письма. Одно из них было адресовано алтайским старшинам, укрывшимся в горах, другое – зайсану Боохолу. Особое внимание, уделявшееся ему властями, было не случайным: и в центре, и на местах отчетливо понимали, что приведение в российское подданство этого пользовавшегося в Саяно-Алтайском регионе большим авторитетом человека могло «благоприятно» сказаться на поведении других «бывших зенгорцев», не решившихся пока «уйти под высокую российскую руку». Поэтому, составляя письмо к Боохолу, его авторы учитывали все дипломатические нюансы, не оставляя без внимания даже «ничтожные» намеки зайсана относительно возможности принятия им российского подданства. Об одном из них сообщил в свое время начальству сборщик ясака И. Максеков. Речь шла о «награде» зайсану. Стремясь «приблизить Боохола к России», местные власти стремились заручиться в своих действиях поддержкой высоких инстанций. Получив ее, они уже не скупилась на обещания и награды зайсану, в случае принятия им российского подданства. Свидетельство тому – донесение сибирского губернатора И.И. Неплюева в Коллегию иностранных дел от 15 ноября 1757 г. Чтобы привлечь «оного зайсана» на российскую сторону, докладывал он, нами «дано ему обещание» о «прощении его прошлых обид и притеснений, учиненных им и его улусниками рус-

ским людям», коль он «примет» русское подданство. А кроме «оного», будет, мол, он удостоен «звания нойона» и многих других наград. Но, докладывая обо всем этом в Коллегию, Иван Иванович «скромно умолчал» о своем тайном распоряжении, данном местным властям: задержать зайсана Боохола после принятия присяги в Бийской крепости и держать его там «до резолюции главной команды» [4, л. 48–48об.].

Выполнение этого непростого задания было возложено на поручика Ф. Заливина. В данном ему полковником Лорихом «наставлении» однозначно указывалось: «Как... письмо зайсану Боохолу подадите, то всячески, через толмача, стараться склонить его... к выходу в протекцию е. и. в. и [если] он склонится к тому, то велеть ему, для переписки прикочевать ближе к здешним границам». Далее, посланцам настоятельно рекомендовалось, «заверять зайсана и его старшин» в том, что их «ранги не только не отберутся» после принятия ими российского подданства, им, наоборот, еще больше воздастся «по российским обыкновениям», а из казны будет дано «жалованье по их чести...» [9, л. 257–258]. Наряду с этим, содержала «инструкция» и другие задания: тайно разведать, сколько «при... Боохоле, имеется кибиток и боевого люду... В каких местах стоит он и в каком отсель (т.е. от Бийска. – Н.М.) расстоянии?» [9, с. 257–258].

Говоря о «дипломатической миссии» поручика Заливина, следует отметить, что еще в апреле 1757 г. полковник Дегаррига посылал (под предлогом поиска Амурсаны. – Н.С.) к Боохолу, кочевавшему тогда в бассейне р. Эленем, вахмистра Ерохина с «призывным письмом, писанном на калмыцком и русском диалектах», также приглашавшем зайсана приехать в Бийск и дать присягу на «верность российскому престолу». Но тот отказался сделать это, сославшись на «нонешнюю худобу своих лошадей» [6, с. 15].

Получив необходимые «инструкции», поручик Ф. Заливин и квартирмейстер С. Паршин отправились 9 июня 1757 г. в сопровождении 25 солдат и казаков из Бийска в путь. Формальным поводом для отправки «заливинской экспедиции» стал «поиск работных людей и солдат», бежавших в Горный Алтай. Следуя в горы, поручик, конечно же, не знал, как разворачиваются события в Бийске, а тем более он не мог и предположить, что весть о «бийских разборках» уже «просочилась» в горы и это сыграет роковую роль в исходе его «миссии».

С отъездом же Заливина в «Сибири» случилось многое. В частности, 10 июня 1757 г. в Таре скончался командующий войсками Сибирской военной линии генерал-лейтенант Риддер. На его место Военная коллегия «определила» полковника Лориха. Сдав следственные дела секунд-майору (офицерский чин в русской армии (1716–1797 гг.), следовавший после чина капитана) Тюменеву, он отбыл 23 июня к новому месту службы. В связи с отстранением Дегарриги

от должности командующего Колывано-Кузнецкой линией, «исполнение ее» было возложено на коменданта Бийской крепости подполковника С. Колобового. Правда, Ф.И. Дегаррига был вскоре оправдан и вновь назначен на «старую должность». Его же «обидчики» – жалобщики Наугат и Габунг – были по рекомендации следственной комиссии, высланы из Бийска [6, с. 16].

Но ничего этого не знал поручик Заливин, двигавшийся тем временем по проложенному в штабе маршруту, пролежавшим через деревни Бехтемирову, Березовку и далее вверх по Катунь до впадения в нее р. Маймы. Достигнув ее, он поднялся по ней и встретил старшину Намкы, в сопровождении которого поручик посетил кочевья Дадагана, Саин-Белека, Коктеяка и других старшин. Прибыв в тот или иной улус, Заливин зачитывал «призывное письмо», после чего «гости» устраивали для «хозяев» торжественный обед, в ходе которого «посланцы» высказывали алтайцам приглашение посетить Бийск для подтверждения ими принятого российского подданства. В ходе таких встреч Заливину «открылось многое». В частности, от старшин Дадагана и Дедея он узнал, что «в прошлую осень (т.е. 1756 г. – *Н.М.*), когда вели их кошем (всем улусам) к Бийской крепости, от зайсана Бурута и Бусурмана (речь идет об алтайце – двоюродном Бусурмане Коймышеве. – *Н.М.*)... поутру, как выючили своих лошадей к походу... закричали: «Мунгалы!»... От чего мы, усташась, оставили там всех своих выючных лошадей и все прочее, что при себе имели и ушли в камень. А... Бурут с Бусурманом все те [наши] пожитки и скот себе побрали, отчего ныне мы, старшины... с подвластными людьми... пребываем в крайнем разорении и почти ничего... не имеем. А питаемся мы ныне, – продолжали жаловаться собеседники Заливину, – корнями сараны, но выходить к русским деревням и крепостям за продуктами не решаемся, ибо опасаемся ареста отправки на Волгу». В ответ на эти опасения поручик твердо заверил старшин, что никто не собирается переселять их на Волгу. Все они будут оставаться «житьльствовать» на Алтае. В завершении беседы Ф. Заливин взял со старшин расписки, что они ознакомлены с «призывным письмом» [9, л. 265–265об.].

Покинув доброжелательных хозяев, экспедиция перебралась на Катунь и прибыла 20 июня в улус старшины Танжияка. Остановившись у него на отдых, бийчане узнали от хозяина (только что вернувшегося из ставки зайсана Боохолла. – *Н.М.*), что кочевья «оного» находятся отсюда в недалеком расстоянии и что ныне в «его ставке» находится «посол Амурсаны, коей зазывает всех зенгорцев к себе. И оной... Амурсанай, – говорил Танжияк Заливину, – владельцем сделался воровски, а стоит де он между Берельскими горами. Да оной же посол требует от них возвращения разграбленный (алтайцами в 1755 г. – *Н.М.*)

Амурсанов кош и людей, и прочее» [9, л. 265–265об.]. В тот день, свидетельствовал Заливин, приехал в улус к Танжияку старшина Ивол и рассказал, что в ответ на требование посла возвратить «его владельцу» все выше указанное, ответил тому, что «на Амурсановых людей мы ходили войною по повелению нойона Дебачи», а «ноне собрать, что прежде мунгалы взяли трудно, ибо те, кто брал – на Русь ушли... А ныне де он (Ивол. – *Н.М.*) пришел в подданство белого царя и все в верности содержать должен. И посол, осердясь на то, сковал его в ножные железа и руки назад завязал и держал так двое суток [9, л. 265–265об.]. А посол, по сообщению Ивола и других алтайцев, собрался идти в Халху, к хотогойскому князю Ценьгунчабу (Шадар-вану, который к этому времени был уже схвачен маньчжурами и казнен в Пекине. – *Н.М.*) с требованием «отдать Амурсане взятых им в плен зенгорцев». При этом посол просил зайсана Боохолла и старшин оказать Амурсане помощь людьми [6, с. 16].

Покинув ставку Танжияка, Заливин отправился в кочевья зайсана Боохолла. Их встреча состоялась 22 июня в палатке поручика. Несмотря на радушный прием и обильное угощение, Боохолл был «неприступен». Он даже не стал слушать адресованное ему письмо. «Меня, – раздраженно бросил он поручику, – опять призывают на Русь... А мне в этом – нужды нет... Ныне у меня есть настоящий... хозяин и прошу, чтоб впредь ко мне с подобными письмами не ездили. У меня от своего владельца писем довольно, а в вашем [письме я] – надобности не имею. А что прежде [я] писал, чтоб быть в российском подданстве, то тогда не был я еще под властью нигде и владельца у себя не имел, а теперь таковой появился в Джунгарии – Аджанов сын, Галдан-Церена внучек. Потому он, Боохолл, в российское подданство не идет, да и впредь не зовите» [9, л. 267].

Не добившись от этой встречи желаемого результата, Заливин в тот же день двинулся в обратный путь. Но не успели бийчане пройти и десяти верст, как подверглись они «неприятельскому нападению Боохоловых людей» [9, л. 242]. Потеряв в стычке двух человек (один солдат был ранен), русские стали с боем отступать. И так, как напишет потом в своем отчете поручик Заливин, продолжалось почти на протяжении 30 верст. Солдаты и казаки, прижатые к берегу Катунь, в неудобном для переправы месте, отбивались от нападавших в течении двух суток. В перерывах между перестрелками толмач М. Давыдов пытался вступить в переговоры с братом Боохолла, уверяя его, что приезжали они «не воевать зайсана», а «переговоров ради» и непонятно, «за что на нас нападение учинено». В ответ на это, ему было сказано, что «это наши ребята просто поиграли» [9, л. 274–275]. Услышав это, бийчане попробовали откупиться: они отдали нападавшим «все подарки» и свои личные вещи. Но из этой их «затеи»

ничего не вышло: приняв «дары», Боохол велел передать «русским», чтобы «они больше в его кочевья не приезжали», а «ежели снова приезжать ко мне будете, то... у всех посланцев их естества будут отрезаны и во рты положены», а после этого «оные русские будут привязаны к жердям и вниз по Катуню будут пушены» [9, л. 268об.].

После этой мимолетной «передышки» бийчане предприняли отчаянную попытку вырваться из окружения. Но она не увенчалась успехом. Этому «воспрепятствовали» не только превосходящие силы «противника», но и пересеченная, усеянная «глыбами скал» местность. «Оные калмыки, – подчеркнет позже в своем рапорте Заливин, – денно и ночно стояли вокруг нас, захватя все проходы крепкими караулами, так, что пройти [нам] было никак не можно» [9, л. 293]. Поэтому, чтоб вырваться из «западни», русские, соорудив из подручных средств плоты, начали переправу через Катунь. Но она закончилась для них печально: один человек погиб, было потоплено все продовольствие, оружие, амуниция, седла и пр. Однако и на этом «злосключения» экспедиции не закончились. Продвигавшиеся вниз по берегу Катуню «заливинцы» вновь были атакованы Боохолом и «окончательно рассеяны». При этом один солдат и квартирмейстер С. Паршин попали в плен. Бежав и «чудом добравшись до Бийска, последний и поведал о том, каким издевательствам подвергли его люди Боохоло. «Надо мной, – говорил он, – они всячески надругались... устрасали [меня]: велят мне бежать, а потом – стреляют по мне из луков. И это они чинили многократно... Отобрав потом у меня лошадь и всю амуницию и все [мое] собственное, что при мне имелось... [они] отпустили [меня]» [9, л. 244]. Отметим, что из 25 человек, отправившихся из Бийска с Заливиным «в горы», домой возвратилось только 20 [6, с. 18].

Узнав о нападении зайсана Боохоло и его людей на экспедицию Ф. Заливина, алтайские старшины Намкы, Кукшин, Танжияк и другие тут же отправили к русским властям письмо с просьбой позволить им отомстить «Боохолу и его людям за учинение огорчений россиянам». Однако полковник С. Колобовой не поддержал «инициативу» старшин. Он лишь посоветовал им попытаться, если зайсан решится напасть на них, захватить его в плен. А коль «сие не удастся», то приложить все силы к тому, чтобы «заманить разбойника ближе к русским крепостям». Одновременно с этим пограничные власти «широко оповестили алтайское и иное население» о том, что за «пленение зайсана Боохоло», отличившийся (или отличившиеся) будут удостоены «награды от самой императрицы» [9, л. 245–246].

А Боохол и его люди, даже несмотря на «опасность», продолжали тем временем «чинить русским и новоподданным алтайцам» новые и новые «беспокойства». Так, в начале декабря 1757 г. Боохол напал

на сборщика ясака, сына боярского И. Максекова и ограбил его. Организованной Кукшином и другими «алтайскими старшинами» погоне не удалось «настичь разбойника и наказать его» [9, л. 245–246]. Последний же, всецело осознавая тяжесть «своих вин» перед русскими, а также их реакцию на свои действия, окончательно избирает для себя «единственный» путь: полное «сближение» с Цинами. Уйдя под их «руку», Боохол совершает в декабре того же 1757 г. при поддержке своих «покровителей» нападение на кочевья алтайцев – российских подданных. Узнав о нем, зайсан Намкы тут же поставил в известность о случившемся командующего Кольвано-Кузнецкой военной линией полковника Девиленева. «Мунгалы, – доносил он, – пришли на нас в две партии и всех [нас] разграбили... И ныне старшины с их людьми уже 8 дней сидят в осаде». Завершая свое сообщение, зайсан просил полковника прислать к ним «воинские силы, дабы защитить нас от мунгалов» [9, л. 364]. Однако полковник Девиленев не проявил должной в таких случаях решимости. Опасаясь провокации, он медлил с оказанием помощи алтайцам. Так и не сделав решительный шаг, полковник отправил 12 декабря 1757 г. Намыкаева «посланца» С. Ешекова обратно, уведомляя зайсана о том, что «за глубоким снегом помощи... подать всем... вскоре... никак невозможно... Старайтесь всячески избавить себя из осады... А вырвавшись из оной, – советовал зайсану Девиленев, – отступайте к русским крепостям. И дайте знать мунгальскому командованию, что вы подданные «русской державы» [9, л. 364об.].

Нерешительность и медлительность русских властей дорого обошлись алтайским кочевникам. Их улусы были «полностью разорены мунгалами» и их пособниками. Люди, «оние населявшие», были большей частью уничтожены, а частью – угнаны в плен. Об этих печальных для насельников Горного Алтая событиях поведал в Бийске прибывший от И. Максекова алтаец И. Кучегешев. «Пришедшие к нам мунгалы, – рассказывал он военным, – многие дючины разбили, [а] ясашных калмыков – побили во множестве, [а] иных, в немалом числе, в полон побрали, а имянно – старшину Танжияка со всеми дючином, демичю Бодока со всем дючином, ... Якушека со всеми подвластными... да старшины Кукшина многих людей угнали. А ... [сам] Кукшин... с братьями выбежал к... Максекову... Живущих... [же] в вершинах Ануя, Чарыша и Ябагана [рек] ... мунгалы всех разорили и в полон побрали... А зайсан Боохол ныне... ездит, сообщась с мунгалами» [9, л. 372об.]. Эти и другие «вести», поступившие военным по «иным каналам», трансформировались в конце концов для русских властей в весьма «неприятный результат»: несмотря на все их усилия, зайсан Боохол Субояков «ушел» все же в «мунгальское – цинское – подданство» [9, л. 371–372об.].

Подытоживая все вышесказанное, можно однозначно утверждать, что в нежелательном для русских властей (военных и гражданских) исходе «Боохолова дела» повинен был не только «хитрый, изворотливый и расчетливый зайсан», но и российские административные лица всех уровней. Чрезвычайная осторожность одних – сибирского губернатора И.И. Неплюева, – бездеятельность других – полковника Девиленева, предательство и «мздоимство» третьих –

писаря и переводчика Десятяровского – привели к немалым «трагедиям» в жизни кочевого населения Горного Алтая, заметно осложнив тем самым процесс его присоединения к России в целом, а отдельным «населенкам» и вовсе закрыв путь к российскому подданству, как это и случилось с зайсаном Боохолом Субояковым, который еще в октябре 1757 г. «противился» войскам цинского императора Цяньлуна [10, с. 136].

Библиографический список

1. Моя судьба в судьбе Алтая : библиографический справочник. XIX – начало XX вв. – Горно-Алтайск, 2006.
2. Самаев Г.П. Присоединение Алтая к России. – Горно-Алтайск, 1996.
3. Модоров Н.С. Поворотный пункт в истории алтайского народа (к 250-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав России) // Горный Алтай : исторический сборник. – Вып. 10. – Горно-Алтайск, 2006.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 4.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 517. – Оп. 1. – Ч. 1.
6. Моисеев В.А. Цинская империя и народы Саяно-Алтая в XVIII в. – М., 1983.
7. Пуцилло М.П. Указатель делам и рукописям, относящимся до Сибири и принадлежащим Московскому Главному архиву Министерства иностранных дел. – М., 1879.
8. Моисеев В.А. Из истории присоединения Горного Алтая к России («Дело зайсана Боохоло») // Горный Алтай. Исторический сборник. – Вып. 1. – Горно-Алтайск, 1997.
9. АВПР. – Ф. 113. – Оп. 1. – Д. 3.
10. Циндин пиндин чжуньгеер фанлюе (Высочайше утвержденное описание усмирения джунгар). [Б. м.], 1772.